

А. А. Емельянов, С. З. Иткулов

Ивановская ГСХА имени Д. К. Беляева, г. Иваново

Специфика нонсенса как лингвокультурологической категории на примере английского рифмованного сленга

В статье даётся анализ специфики английского рифмованного сленга как одного из способов проявления культуры нонсенса с учетом различных положений, высказываемых исследователями нонсенса и абсурда. Также анализируются нонсенс и абсурд как различные категории мышления. Абсурд можно рассматривать как «контрсмысл», противостоящий единому здравому смыслу. Используется компаративистский подход в сравнении культурно-эстетических концептов с целью выявления в них неких общих, универсальных принципов и установок, а также с целью нахождения различий. Понимание иной культуры обуславливает применение герменевтической методологии с целью рассмотрения данной культуры с позиций субъективной индивидуальности интерпретатора и объективности культурного контекста. Высказано мнение о том, что английский рифмованный сленг не только является способом языкового кодирования, но и представляет собой особый вид языковой игры, которая, в свою очередь, характеризуется особым способом моделирования фреймов, где автор выходит из привычного фрейма и создает такой, который позволяет насыщать субъекты необходимыми предикатами. Делается вывод, что языковая игра в английском рифмованном сленге связана с возможностью моделирования новых фреймов, а также переходами из фрейма в фрейм и выстраиванием межфреймовых связей. Игра требует включения в нее слушателя, слушатель становится участником и в какой-то степени соавтором игры. Изучение подобного феномена позволяет не только понять чужую культуру, но и более глубоко осмыслить свою.

Результаты исследования могут быть применены в теоретических курсах по культурологии, теории межкультурной коммуникации, страноведению и лингвострановедению, а также на занятиях по английскому языку как иностранному.

Ключевые слова: нонсенс, абсурд, смысл, сленг, семисентенция, игра, фрейм.

A. A. Emelyanov, S. Z. Itkulov

Ivanovo State Agricultural Academy named after D. K. Belyaev, Ivanovo

The Specifics of Nonsense as a Cultural Linguistics Category as Exemplified by English Rhymed Slang

The article analyzes the specifics of English rhymed slang as one of the ways of displaying the culture of nonsense, taking into account various positions expressed by researchers of nonsense and absurdity. Nonsense and absurdity are also analyzed as different categories of thinking. The absurd can be seen as a “counter-meaning” that opposes common sense. A comparative approach is used to compare cultural and aesthetic concepts in order to identify some common, universal principles and attitudes as well as to find differences. The understanding of a different culture determines the use of hermeneutical methodology in order to consider this culture from the perspective of the subjective individuality of the interpreter and the objectivity of the cultural context. It is suggested that English rhyming slang should be not only a way of language encoding, but also a special type of language game which, in turn, is a special way of modeling frames, where the author goes out of the usual frame and creates one that allows you to saturate these subjects with the necessary predicates. It is concluded that the language game in English rhymed slang could be associated with the possibility of modeling new frames as well as transitions from frame to frame and building inter-frame connections. This game requires the inclusion of a listener in it, the listener becomes a participant and to some extent a co-author of the game. The study of this phenomenon allows you not only to understand another culture, but also to understand your own more deeply.

The results of the research can be applied in theoretical courses in cultural studies, theory of intercultural communication, country studies and linguistics as well as in English as a foreign language.

Keywords: *nonsense, absurdity, meaning, slang, semisentence, play, frame.*

Введение. Проблема смысла и бессмысленности высказывания с давних пор занимает умы исследователей. С этой точки зрения интересно рассмотреть такое явление, как нонсенс, особенно в сопоставлении этой категории с абсурдом, так как явления часто отождествляют, а культура нонсенса представляет собой интересное и малоизученное явление. В качестве предмета исследования нами выбран английский рифмованный сленг, поскольку подобный феномен разговорной речи представляет собой очень яркий пример культуры нонсенса. Целью исследования является анализ специфики английского рифмованного сленга как одного из способов про-

явления культуры нонсенса с учетом различных положений, высказываемых исследователями нонсенса и абсурда. Научная новизна исследования состоит в том, что проблема соотношения нонсенса и абсурда представлена как динамичная система взаимоотношений двух разных культурологических категорий; структура концепта «английский рифмованный сленг» дополнена новым релевантным слоем — возможностью моделирования новых фреймов, что позволяет обогатить его содержание в исследуемой культуре. Проблемы соотношения нонсенса и абсурда рассматривались в статье С. З. Иткулова «Нонсенс, абсурд, парадокс как лингвокультурологические категории» (Аграрный вестник Верхневолжья. 2019. № 3. С. 123—126), где выявляется специфика категорий; из исследований последних лет наибольший интерес представляет диссертация Е. Н. Ширяевой «Литературный нонсенс в русской прозе и поэзии второй половины XX — начала XXI в.», где исследователь представляет абсурд как особую систему взглядов, а нонсенс — как антисистему, противопоставленную действительности. Особенности английского рифмованного сленга рассмотрены в статьях А. А. Емельянова «Рифмованный и рифмующийся сленг в современной лингвистике» (Известия высших учебных заведений. Сер. «Гуманитарные науки». Т. 7. 2016. № 1. С. 10—16), «Рифмованный сленг интеллигенции Великобритании» (Интеллигенция и мир. Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук. Иваново: Ивановский государственный университет, 2015. № 2. С. 61—65), где данный концепт рассматривается как один из способов языкового кодирования, предназначенный для общения «посвященных».

Методы исследования, теоретическая база. В работе мы используем герменевтический метод, решающий проблему совмещения в понимании текста объективности сообщаемого и субъективности сообщающего. Конечной целью метода является выход к смыслу через содержание текста и выход к содержанию через смысл текста. Разнообразие исходного материала обусловило использование компаративистского метода, построенного на использовании сравнения и нахождения аналогий между различными понятиями и явлениями.

Основная часть. Отношение человека к миру всегда определяется смыслом; культура предстаёт перед человеком как *смысловой*

мир. Мир и человек всегда находятся между смыслом и бессмыслицей. Принцип смысла и бессмысленности присутствует во всех видах человеческой деятельности. Однако нигде, кроме нонсенса, этот принцип не становится предметом содержания и методом художественного изображения. В работах отечественных и зарубежных исследователей часто встает проблема разграничения понятий «нонсенс» и «абсурд», которые часто трактуют как синонимы. Абсурд принято понимать как противоречие, содержащееся в высказывании, на основании которого делался вывод — высказывание ложно: «Например, в высказывании “Александр Македонский был сыном бездетных родителей” есть только утверждение, но нет отрицания и, соответственно, нет явного противоречия. Но ясно, что из этого высказывания вытекает очевидное противоречие: “Некоторые родители имеют детей и вместе с тем не имеют их” и, таким образом, если из некоторого положения выводится противоречие, то это положение является ложным (*reductio ad absurdum* («приведение к абсурду»))» [1]. Определенные особенности нонсенса и абсурда устанавливает П. Царёв:

— абсурд — это СМЫСЛ, нарушающий связи (гармонию) смыслов, определяющихся смыслом жизни;

— нонсенс — это абсурд, возникающий при столкновении “СВОИХ” и “ЧУЖИХ” смыслов [там же].

Особого внимания заслуживает точка зрения О. Бурениной, которая считает, что нонсенс следует называть «логическим абсурдом»: «Логический абсурд проявляется в поэтической традиции речи в нарушении синтагматических и парадигматических связей, то есть функционирует как бессмыслица речи, испорченная рациональность. Таково понятие *nonsens'a*» [2]. Однако исследователь не уравнивает понятия «нонсенс» и «абсурд» и считает, что нонсенс — одна из составляющих абсурда: «Одним из излюбленных приемов “логического” абсурда, то есть поэтической бессмыслицы в произведениях этих авторов можно назвать *reductio ad absurdum*, то есть прием приведения к нелепости, заключающийся в обнаружении противоречия основного положения или его выводов» [там же]. Всё дело в том, что О. Буренина пытается вывести специфику нонсенса исходя из специфики абсурда, вследствие чего выделяет «семантический абсурд» (нарушение правил обыденной речи) и «ситуационный абсурд» (алогичность человеческих отношений)

[там же]. Данная дихотомия приводит к обеднёному пониманию как нонсенса, так и абсурда.

Возразить О. Бурениной мы можем с помощью М. Исаковой, которая считает, что нонсенс — категория эпистемологическая, а абсурд — онтологическая [3]. Иначе говоря, нонсенс стремится к познанию мира, поэтому «нелепость» здесь создаётся не для отрицания, а для поиска смысла. Подобную точку зрения можно найти в работах Р. Барта. Французский структуралист и семиотик выделяет такие категории, как «не-смысл» (nonsense), «вне-смысл» (hors-sense) и «противосмысл» (contre-sense). Согласно Барту, «всё внесмысленное (hors-sense) непременно поглощается “несмыслом”, имеющим совершенно определённый смысл (известный как абсурд)... Собственно говоря, у смысла может быть только противоположный смысл, то есть не отсутствие смысла, а именно обратный смысл. Таким образом, “не-смысл” всегда нечто буквально “противное смыслу”, “противосмысл” (contre-sense), нулевой степени смысла не бывает» [4, с. 188].

Иначе говоря, Р. Барт уравнивает абсурд и нонсенс (то, что он называет “не-смыслом” либо “противосмыслом”) и противопоставляет их смыслу, с одной стороны, и вне-смыслу, с другой. Но что такое “вне-смысл”, исследователь не поясняет. Вероятнее всего, “вне-смысл” и есть нонсенс (не “не-смысл”, а то, что выходит за пределы обычного смысла). Абсурд же можно с полной уверенностью назвать противосмыслом (то, что противопоставляет себя смыслу, так как существование последнего определяется существованием его противоположности).

Ключевое различие между нонсенсом и абсурдом хорошо показывает П. Хит, считающий что разница между нонсенсом и абсурдом «заключается в том, что первый пренебрегает обычными условностями логики, языка, мотива и поведения, второй же придает им слишком большое значение... вместо того, чтобы беспечно отступать от правил, как это делает автор нонсенса, абсурдист продолжает придерживаться их еще долгое время после того, как они перестали быть разумными, и независимо от нелепости, которая в результате этого возникает» (перевод наш. — С.И.) [5].

Интересную точку зрения высказывает Е. Н. Ширяева, рассматривающая абсурд как особую систему взглядов, связанную с дей-

ствительностью, а нонсенс — как антисистему, противопоставленную действительности [6, с. 10].

Таким образом, мы видим, что нонсенс и абсурд представляют собой самостоятельные категории человеческого мышления, являющегося проявлением когнитивной функции человеческого сознания. Особый интерес представляет проявление нонсенса и абсурда в сфере языка. Е. Ширяева отмечает, что для абсурда «операции с языковыми средствами — это прежде всего инструмент для обнаружения и описания кризиса личности. Языковой код как средство построения коммуникации — это то, на чём держится не только человеческое сознание, но само общество» [6, с.11]; что же касается нонсенса, то «для него важна сама форма, язык и его потенциальные возможности в порождении новых значений и более — порождении нового мира, противопоставленного каноничной системе» [там же]. Особым проявлением лингвистического нонсенса (но не абсурда) является английский рифмованный сленг.

Рифмованный сленг (далее — РС) — один из способов языкового кодирования, предназначенный для общения “посвященных” [7, с. 22]. По типу образования РС можно обозначить как особый вид сленга английского языка, где каждому исходному слову соответствует рифмующаяся с ним, но обычно далекая по значению фраза: Stairs (ступени) ~ *apples and pears*: Get up those *apples and pears* to bed! (букв.: «Поднимайся в кровать по этим яблокам и грушам!»)

Believe (верить) ~ *Adam and Eve*: Can you *Adam and Eve* it! (букв. «Ты можешь “адомоевить” в это!»).

Head (голова) ~ *Crust of bread*: When Jack fell off his bike he got a bad crack on the *crust of bread* (букв.: «Когда Джек упал с велосипеда, он сильно треснулся коркой хлеба») [8, с. 62].

Зачастую, рифмованный субститут имеет шутивно-иронический контекст:

wife ~ *trouble and strife*; [жена — проблема и борьба]

kids ~ *God forbids*; [дети — боже упаси]

debts ~ *private jets*; [долги — личные самолеты]

Говоря об истоках РС, следует отметить, что самые первые упоминания о рифмованном сленге, точнее его самом раннем варианте — Upper Class rhyming slang (рифмованного сленга английской аристократии) — датируются, согласно исследователям П. Уиллеру и А. Броджед [9, р. 3—4], XVI веком. Так, рифмованный сленг бри-

танской элиты появился, по словам ученых [Op. cit], в середине XVI века в эпоху правления Елизаветы I. UCRS был изобретен драматургом Кристофером Марлоу и использовался представителями службы безопасности Валсингема. Со времен Елизаветы I агенты данной службы часто имели доступ в аристократическую среду и благодаря лингвистической находке Марлоу UCRS использовался в повседневной речи британской знати. Обратимся к примерам:

— physician [врач] ~ *Titian*: Oh, that looks nasty! You ought to go and see a *Titian*! [букв.: «О, ты ужасно выглядишь! Тебе нужно пойти показаться *Тициану!*»)

— heaven [рай] ~ *First Eleven*: The weather in Monte Carlo was pure *first eleven*. (букв.: «Погода в Монте-Карло была *просто “футбольно—командная”*»)

— speech [речь] ~ *Normandy Beach*: They listened gloomily to the Queen's *Normandy Beach*. (букв.: «Они мрачно слушали *нормандский пляж королевы*»)

Рифмованный сленг кокни был распространен среди рабочего класса и представителей средних хорошо образованных слоев британского общества. Cockney rhyming slang появился в середине XIX века в восточной части Лондона и служил в качестве «секретного» языка у представителей уголовного мира. Создателями РС кокни были уличные торговцы и их ученики; именно благодаря спортивным журналам и песням мюзик-холла и распространился данный языковой феномен.

Как отмечает А. Л. Борисенко, «рифмованному сленгу практически не довелось “смущать умы переводчиков” в качестве “непереводимой игры слов”. Даже если отдельные примеры и попадались в речи персонажей—кокни для передачи колорита в описании жизни “низов”, то и переводилось это как колорит — просторечьем, жаргонизмами, сленгом» [10, с. 103].

Следует отметить, что в русском фольклоре существует явление, похожее на английский РС. Оно описано Д. Н. Садовниковым в сборнике «Загадки русского народа» и определяется как «своеобразное звуковое отстранение, как бы перефразирование: “Тон да тотонок” (пол и потолок) или “слон да кондрик” (заслон и конник)» [11, с. 51, 77]. Однако этот «русский рифмованный сленг» мало распространен, практически неизвестен большинству носителей язы-

ка и поэтому не может, к сожалению, стать решением переводческой задачи.

По мнению А. Л. Борисенко [9, с. 104], с точки зрения синтетического перевода РС не представляет собой серьезной переводческой трудности. Герой должен говорить ярко, колоритно, при этом должно быть ясно, что он — представитель социальных низов. Азартная игра при помощи РС захватывает, ее жаль терять, ее хочется донести до читателя.

Проблема перевода РС заключается в том, что по-русски прилагательное не так легко становится субстантивированным и неудобно в обращении при сокращении рифмующейся пары. Нередко высказывания с рифмованным сленгом могут вызвать недоумение. Но именно этот эффект и предусматривается культурой нонсенса — нужно увести слушателя с привычного пути, сломать стереотип. Рифмованный сленг — это стремление говорящих к определенному социальному обособлению звучащей речи с целью «ограждения» от участия нежелательных участников речевого акта [12, с. 11]. В то же время можно рассматривать рифмованный сленг как особое проявление языковой игры, а именно — игры на уровне синтаксиса.

В данном случае мы имеем дело с явными семисентенциями — высказываниями, которые сами по себе сформулированы верно, но субъекту в данном случае приписывается предикат, который ему не подходит [13]. Проблема состоит в том, чтобы решить, чем именно не подходит субъекту данный предикат, поскольку слова, обозначающие эти понятия, выводятся из традиционного семантического ряда и попадают в непривычный контекст. В качестве примеров можно привести высказывания со следующими рифмами:

Кnees (колени) ~ *Pyrenees*: I won't forgive him even if he gets down on his bendeed *Pyrennes!* (букв.: «Я не прощу его, даже если он встанет на *Пиренеи*»).

Phone (телефон) ~ *Dog And Bone*: I was on the *dog and bone* when you knocked at the door (букв.: «Я говорил по *собаке с костью*, когда ты постучал в дверь»).

Boozer (пьяница) ~ *Battle Cruiser*: He's bit of a *Battle Cruiser!* (букв.: «Он начинающий *линейный крейсер!*»).

Примечателен тот факт, что рифма в данных случаях не совпадает с подразумеваемым словом: выбор рифмованного субститута

и степень рифмованности определяются самим участником коммуникации [14, с. 71]. Обычно цель подобной «рифмовки» — передать информацию, предназначенную только для «посвященных», в результате чего получается своего рода языковая игра, которая для непосвященных полностью лишается смысла [12, с. 13]. Заметим, однако, что любая бессмыслица языка в определенном контексте может иметь смысл. Проблема бессмысленности высказывания — это не только вопрос, насколько истинно или ложно то или иное высказывание, но и насколько оно является понятным и удачным с точки зрения коммуникативности, психологии и даже антропологии говорящего и воспринимающего речь. Проиллюстрируем эту мысль следующим стихотворением:

As she walked along the street
 With her little “plate of meat”,
 And the summer sunshine falling
 On her golden “Barnet Fair”
 Bright as angels from the skies,
 In my “East and West” Dan cupid
 Shot a shaft and left it there.
 Шли по улице мы разом,
 И ее “тарелки с мясом”
 Были длинны и прекрасны.
 Излучала море света
 Ее “ярмарка Барнета”.
 Купидон стрелу схватил,
 В “Запад и Восток” пустил.
 (перевод наш. — С.И.)

Едва ли данное стихотворение будет понятно тем, кто незнаком с рифмованным сленгом, или тем, кто использует в своей речи более современные варианты РС. Обратимся к переводу приведенных «закодированных» строк стиха на стандартный английский язык и вместо кажущейся на первый взгляд бессмыслицы получаем понятный текст:

Plates of meet ~ feet
Barnet Fair ~ hair
East and West ~ breast [15, с.40]

Дело в том, что невозможность предметного существования вышеперечисленных объектов следует из априорной несовместимости

мости субъектов и приписанных им предикатов. Однако насколько верна данная несовместимость и вытекает ли она из онтологической природы субъектов — это серьезный вопрос. Например, С. Поцелуев замечает: «Допустим, что априорно логика делает невозможным существование круглых квадратов в предметном мире. Но о какой априорной логике здесь идет речь? О логике классической (евклидовой) геометрии, отнесённой Кантом к синтетическим суждениям *argiōgī*? Но понятие логического вряд ли может ограничиваться только этим видом логики. Ведь евклидова геометрия, основанная на своих аксиомах, не может признать в качестве осмысленной постулаты неевклидовой геометрии» [16]. Проблема, которая встает при создании подобной языковой игры — разница между *бессмысленностью* и *беспредметностью*. С. Поцелуев отмечает, что такое словосочетание, как «российская нация», тоже является беспредметным, но бытие ее возможно и даже целесообразно с определенной точки зрения [там же]. Таким образом, если говорящий делает умозаключение о невозможности *бытия* каких-либо предметов, то это происходит вследствие отсутствия критериев, которые позволяют считать наличие данного явления естественным [16].

В качестве примера можно указать на кажущееся бессмысленным объявление в повести С. Боброва «Волшебный двурог»: «Приём от 22 часов утра до 10 часов дня. Перерыв на обед — с 3 до 11 часов». Объявление воспринимается как бессмысленное, так как: 1) 22 часа — это 10 часов вечера; 2) 10 часов может быть только утра или вечера, а вовсе не дня; 3) обед длится 8 часов, причём до 11, тогда, как в 10 часов приём уже заканчивается. Однако объявление имеет свой секрет — цифры в нём даны в четверичной системе измерения: первый класс — единицы, затем — четвёрки, потом — четвёрки в квадрате, то есть 16. И если, в десятичной системе числа принимают значения от 0 до 9, то в четверичной — от 0 до 3: 1, 2, 3, 10, 11, 12, 13, 20, 21, 22, 23, 30 и т. д. Таким образом, данное объявление в десятичной системе принимает такой вид: «Приём от 10 часов утра до 4 часов дня. Перерыв на обед — с 3 до 5 часов». Как видим, объявление вполне осмысленно, хотя в привычной системе координат объявление об обеде с трёх до пяти часов при приёме до четырёх часов не выглядит как вполне осмысленное [17, с. 41].

Интересные мысли об этом явлении высказывает С. Поцелуев, рассматривая высказывание «круглый квадрат» и ему подобные:

«Абсурдность этих значений заключена не в том, что они вообще не имеют никакого смысла, а в том, что их идеальным смыслом не может соответствовать никакой реально существующий предмет, что у них нет и не может быть предметного смысла... Таким образом, в абсурдном (нелепом) выражении есть единое значение, хотя нет и быть не может предмета (вещи, положения дел), в котором бы объединялось всё то, что единое значение в силу несовместимых между собой значений представляет объединенным в предмете... В случае же бессмыслицы (нонсенса) такого единого значения вообще не может возникнуть. Здесь возможность самого единого значения не допускает того, чтобы в ней сосуществовали различные частичные значения» [16]. Кроме того, исследователь отмечает, что в случае нонсенса речь идёт о несовместимости представлений, а в случае абсурда — о несовместимости предметов, и что само различие между абсурдом и беспредметностью может позднее обнаружиться в ограниченности наших знаний о мире, а не в природе самого этого мира или априорных знаний о нём» [там же]. Последнее замечание очень важно. Если говорящий делает умозаключение о невозможности бытия каких-либо предметов, то это происходит вследствие отсутствия критериев, которые позволяют считать наличие данного явления естественным. Если же такие критерии возможны, абсурдность перестаёт существовать.

Таким образом, можно утверждать, что нонсенс представляет собой смысл метафизического уровня — такой смысл, который выходит за пределы обычного смысла и создаёт новые смыслы. Е. Ширяева отмечает: «Все манипуляции с языком так или иначе приводят к созданию иносмыслов — нетривиальных, странных, безумных, но смыслов (часто избыточных) или их видимости. Разрывая нить между конкретным знаком и его конкретным значением, литература нонсенса не позволяет образоваться пустоте, вместо этого она прибегает к ряду приёмов, благодаря которым у знака появляется новое значение и, следовательно, происходит оправдание существования этого знака» [6, с. 11].

Что же касается английского рифмованного сленга, то данная языковая игра представляет собой особый способ моделирования фреймов, где автор выходит из привычного фрейма и создает такой, который позволяет насыщать данные субъекты необходимыми предикатами. Впрочем, как замечает Е. Сапогова, возможно и по-

строение фрейма, в котором субъекты будут находиться вне собственных смыслов. В качестве примера исследователь приводит игру с детьми, где детям ставится задача создать новый фрейм и описать в нем новые свойства знакомых вещей (например, про чайник дети говорили, что это могут быть фрукты с железного дерева) [18, с. 43—44]. Заметим, что данный вид моделирования фреймов предполагает и включение в него читателя; читатель становится участником и в какой-то степени соавтором игры, так как мышление читателя выходит за пределы привычных смыслов и становится «внесмысловым», что позволяет порождать новые миры и открывать новые смыслы.

По справедливому замечанию Е. Сапоговой, для создания подобного нонсенса необходим выход из привычного фрейма и создание такого, в котором присутствуют условия, создающие эту возможность [18, с.10]. Далее читатель строит новый фрейм, как правило, вокруг одного, отдельно взятого признака объекта или ситуации, изменяя его и используя в качестве системообразующего для выстраивания новой целостности (фрейма) [там же].

Результаты исследования. Абсурд можно рассматривать как «контрсмысл», противостоящий единому здравому смыслу и выдвигающий концепцию активной невозможности существования последнего. В нонсене происходит не столкновение двух смыслов, а выход за пределы обычного смысла и создание новых смыслов. Нонсенс заставляет читателя выйти за пределы привычных смыслов; мышление читателя в этом случае становится «внесмысловым» [19, с. 126]. Именно так мы понимаем нонсенс — как смысл метафизического уровня, иначе говоря, «внесмысл». Как отмечает, Г. Тульчинский: «Non-sense — отнюдь не отсутствие смысла. Наоборот — он связан с обилием смысловых коннотаций и интерпретаций, умножением, если не факторизацией смысла» [20, с. 131]. Поэтому английский рифмованный сленг является проявлением именно нонсенса. Создание рифмованного сленга связано не только с языковой игрой, но и с возможностью моделирования новых фреймов, а также переходами из фрейма в фрейм и выстраиванием межфреймовых связей. Как справедливо указывает В. Соковнина, «с помощью внедрения словообразовательных, лексических, текстовых языковых шуток в текст автор раскрывает свое мироощуще-

ние, представленное в наиболее доступной для понимания форме — форме игры» [21,с.74].

Заключение. Английский рифмованный сленг представляет собой особое проявление культуры нонсенса — своеобразную языковую игру, которая требует включения в нее слушателя, слушатель становится участником и в какой-то степени соавтором игры, так как мышление слушателя выходит за пределы привычных смыслов и становится «внесмысловым», что позволяет порождать новые миры и открывать новые смыслы.

Библиографический список

1. Философия абсурда URL: <http://phenomen.ru/forum/index.php?showtopic=900> (дата обращения: 23.03.2020).
2. Буренина О. Что такое абсурд, или По следам Мартина Эскина. URL: <http://ec-dejavu.ru/a/Absurd.html> (дата обращения: 23.03.2020).
3. Исакова М. Л. «Нонсенс», «абсурд», «бесмыслица» как философско-эстетические концепты и термины поэтики. URL: <http://www.rusnauka.com/TIP/All/Filology/18.html> (дата обращения: 23.03.2020).
4. Барт Р. Литература и значение // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
5. Josie Torres Barth. Nonsense and the Absurd. URL: <https://blogs.commonsw.georgetown.edu/jtb63/2010/11/08/nonsense-and-the-absurd/#comments> (дата обращения: 23.03.2020).
6. Ширяева Е. Н. Литературный нонсенс в русской прозе и поэзии второй половины XX — начала XXI в. : дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 190 с.
7. Емельянов А. А. Характерные особенности социальных разновидностей рифмованного сленга // Вестник гуманитарного факультета ИГХТУ. Иваново: ФГБОУ ВПО «ИГХТУ», 2014. Вып. 6. С. 21—24.
8. Емельянов А. А. Рифмованный сленг интеллигенции Великобритании // Интеллигенция и мир. Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук. Иваново: Ивановский государственный университет, 2015. № 2. С. 61—65.
9. Wheeler P, Broadhead A. Upper Class Rhyming Slang. London, 1985. 62 p.
10. Борисенко А. Л. Ошибка профессора Хиггинса // Вестн. Моск. унта. Сер. 9. Филология. М., 1998. № 6. С. 101—108.
11. Садовников Д. Н. Загадки русского народа. М.: Худ. лит., 1959. 335 с.
12. Емельянов А. А. Рифмованный и рифмующийся сленг в современной лингвистике // Известия высших учебных заведений. Сер. «Гуманитарные науки». Т. 7. 2016. № 1. С. 10—16.

13. Байер А. К. Нонсенс. URL: <http://fege.narod.ru/termini/nonsense.htm> (дата обращения: 23.03.2020).

14. Емельянов А. А. Особенности образования и функционирования английского рифмующегося сленга // Верхневолжский филологический вестник. Ярославль: ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2015. № 2. С. 70—74.

15. Рюмин Р. В., Емельянов А. А. Английский рифмованный сленг: теоретический и прикладной аспекты : монография. Иркутск: ИГЛУ, 2010. 182 с.

16. Поцелуев С. Бессмыслица в аспекте семантики. URL: <http://fege.narod.ru/librarium/posceluev.htm> (дата обращения: 23.03.2020).

17. Иткулов С. З. Лингвистический нонсенс как одна из составляющих нонсенс-литературы // Аграрный вестник Верхневолжья. 2013. № 3. С. 40—43.

18. Сапогова Е. Е. Вниз по кроличьей норе: метафора и нонсенс в детском воображении // Вопросы психологии. 1996. № 2. С. 36—44.

19. Иткулов С. З. Нонсенс, абсурд, парадокс как лингвокультурологические категории // Аграрный вестник Верхневолжья. 2019. № 3. С. 123—126.

20. Тульчинский Г. Л. Льюис Кэрролл: нонсенс как предпосылка истины // Философский век. Альманах. Вып. 19. Россия и Британия в эпоху Просвещения: Опыт философской и культурной компаративистики : мат-лы межд. конф., 6—8 июня 2002 г., Санкт-Петербург. Ч. 1 / отв. ред. Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 2002. 262 с.

21. Соковнина В. В. Языковая игра в современной литературе нонсенса (на примере рассказа Дж. Леннона) // Новые подходы к изучению семантики. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. С. 69—74.

References

1. *Filosofiya absurda* [Philosophy of the absurd] (In Russian). Available at: <http://phenomen.ru/forum/index.php?showtopic=900> (accessed: 23.03.2020)

2. Burenina O. *Chto takoe absurd, ili po sledam Martina Esskina* [What is absurd, or in the footsteps of Martin Esskin] (In Russian). Available at: <http://ec-dejavu.ru/a/Absurd.html> (accessed: 23.03.2020).

3. Isakova M. L. «Nonsens», «absurd», «bessmyslica» kak filosofsko-esteticheskie koncepty i terminy poetiki [“Nonsense”, “absurd”, “nonsense” as philosophical and aesthetic concepts and terms of poetics] (In Russian). Available at: <http://www.rusnauka.com/TIP/All/Filology/18.html> (accessed: 23.03.2020).

4. Bart R. *Literatura i zhanenie* [Literature and meaning]. Bart R. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika*. [Selected works: Semiotics. Poetics.]. Moscow, Progress, 1989. 616 p. (In Russian)

5. Josie Torres Barth. *Nonsense and the Absurd*/ Available at: <https://blogs.commons.georgetown.edu/jtb63/2010/11/08/nonsense-and-the-absurd/#comments> (accessed: 23.03.2020).
6. Shiryayeva E. N. *Literaturnyj nonsens v russkoj proze i poezii vtoroj poloviny XX — nachala XXI v.: kand. diss.* [Literary nonsense in Russian prose and poetry of the second half of the XX — beginning of the XXI century. Cand. sci. Diss.]. Moscow, 2017. 190 p. (In Russian)
7. Emel'yanov A. A. Harakternye osobennosti social'nyh raznovidnostej rifmovannogo slenga [Peculiarities of Social Varieties og Rhyming Slang]. *Vestnik gumanitarnogo fakul'teta IGHTU* [Bulletin of Humanitarian Faculty of ISUCT] Nauchnyj zhurnal. Vypusk 6. Ivanovo, ISUCT Press, 2014, pp. 21—24. (In Russian)
8. Emel'yanov A. A. Rifmovannyj sleng intelligencii Velikobritanii [Rhyming Slang of British Intelligentsia]. *Intelligenciya i mir. Rossijskij mezhdisciplinarnyj zhurnal social'no—gumanitarnyh nauk* [Intellectual and the World. Russian interdisciplinary Journal of Social and Humanitarian Sciences]. Ivanovo, Ivanovo State University Press, 2015, no. 1, pp. 61—65. (In Russian)
9. Wheeler P., Broadhead A. *Upper Class Rhyming Slang*. London, 1985, 62 p.
10. Borisenko A. L. Oshibka professora Higginsa [Professor Higgins' mistake]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University]. Series 9, "Philology". Moscow, 1998, no 6, pp.101—108. (In Russ.)
11. Sadovnikov D. N. *Zagadki russkogo naroda* [Riddles of the Russian people]. Moscow, Imaginative literature, 1959. 335 p. (In Russ.)
12. Emel'yanov A. A. Rifmovannyj i rifmuyushchij sleng v sovremennoj lingvistike [Rhyming slang and rhyming terms in modern linguistics]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij* [News of Higher Educational Institutions]. Series "Humanities", vol. 7, 2016, no. 1, pp. 10—16. (In Russian)
13. Bajer A. K. *Nonsens*. (In Russian). Available at: <http://fege.narod.ru/termini/nonsense.htm> html (accessed: 23.03.2020)
14. Emel'yanov A. A. Osobennosti obrazovaniya i funkcionirovaniya anglijskogo rifmuyushchegosya slenga [Peculiarities of Formation and Functioning of Rhyming Slang]. *Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik* [Upper Volga Philological Bulletin]. Yaroslavl, YSPU named K. D. Ushinsky Press, 2015, no 2. pp. 70—74. (In Russian)
15. Ryumin R. V. *Anglijskij rifmovannyj sleng: teoreticheskij i prikladnoj aspekty: monograph* [English rhyming slang: theoretical and applied aspects] / R. V. Ryumin, A. A. Emel'yanov. Irkutsk, ISLU Press, 2010, 182 p. (In Russ.)
16. Poceluev S. *Bessmyslica v aspekte semantiki* [Nonsense in terms of semantics] (In Russian). Available at: <http://fege.narod.ru/librarium/poceluev.htm> (accessed: 23.03.2020)

17. Itkulov S. Z. Lingvisticheskiy nonsens kak odna iz sostavlyayushchih nonsens-literaturnykh [Linguistic nonsense as one of the components of nonsense literature]. *Agrarnyy vestnik Verhnevolzh'ya* [Agricultural Bulletin of the Upper Volga Region], 2013, no 3, pp. 40—43. (In Russian)

18. Sapogova E. E. Vniz po krolich'ej nore: metafora i nonsens v detskom voobrazhenii [Down the rabbit hole: metaphor and nonsense in the children's imagination]. *Voprosy psikhologii* [Problem of Philosophy], 1996, no 2, pp. 36—44. (In Russian)

19. Itkulov S. Z. Nonsens, absurd, paradoks kak lingvokul'turologicheskie kategorii [Nonsense, absurdity, and paradox as linguistic and cultural categories]. *Agrarnyy vestnik Verhnevolzh'ya* [Agricultural Bulletin of the Upper Volga region], 2019, no. 3, pp. 123—126. (In Russian)

20. Tul'chinskij G. L. L'yuis Kerroll: nonsens kak predposylka istiny [Lewis Carroll: nonsense as the premise of truth]. *Filosofskiy vek* [The Philosophical Age] Almanac. Real. 19. Russia and Britain in the Enlightenment an attempt in philosophical and cultural comparativistics. Proceedings of the international conference, June 6—8 2002, Saint-Petersburg. Part 1 / Executive editors T. V. Artem'eva, M. I. Mikeshin. St. Petersburg, St. Petersburg Center for History of Ideas, 2002. 262 p. (In Russian)

21. Sokovnina V. V. Yazykovaya igra v sovremennoj literature nonsensa (na primere rasskaza Dzh. Lennona) [The language game in the modern literature of nonsense (for example, the story of J. Lennon)]. *Novye podhody k izucheniyu semantiki* [New approaches to the study of semantics]. Ekaterinburg, Ural University Press, 2012, pp. 69—74. (In Russian)